

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81-23

*М. Е. Алексеева***ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ОБЪЕКТНОГО МАРКИРОВАНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ ИВРИТЕ:
ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЕ МАРКИРОВАНИЕ¹**

Проблеме дифференцированного маркирования объекта в разных языках мира посвящена обширная литература, включающая в том числе разные аспекты исследований по синтаксису, семантике, морфологии, социолингвистике, сравнительному языкознанию и дискурсивному анализу. Особое внимание этой проблеме уделяется западными исследователями, среди которых наиболее широко известны работы Дж. Эйсена [1], Б. Комри [2], М. Хаспельмат [3], П. Хоппера и С. Томпсона [4], Э. Моравчик [5]. Начиная с Г. Боссона, впервые предложившего термин «дифференцированное маркирование объекта»² («Differential Object Marking» (DOM)) [6], восприятие этого термина различными лингвистами варьируется от исследования к исследованию. Одной из неизменных характеристик термина остается его базовое понимание как вариативности морфосинтаксической реализации конструкций, содержащих дополнение. Российская исследовательница М. Б. Коношенко предлагает определять ДМО как «расщепленное кодирование пациентивного участника ситуации, выражаемого именной группой (ИГ) в позиции прямого дополнения <...> в зависимости от семантических и прагматических свойств этого участника или всей ситуации в целом» [7, с. 53].

Начиная с 1985 г., когда Г. Боссон всерьез обратил внимание исследователей на широкое и систематическое употребление ДМО в огромном числе языков мира, различными лингвистами было изучено несколько факторов, в той или иной мере влияющих на вероятность маркирования прямого дополнения в каждом конкретном случае. В общем виде список таких параметров может выглядеть следующим образом: темарематический статус ИГ с функцией прямого дополнения, референциальный статус ИГ,

¹Материал подготовлен при финансовой поддержке проекта «Геокультурные пространства и коды культур Азии и Африки» по аналитической ведомственной целевой программе «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)» на 2009 г.

²Далее в статье для обозначения термина «дифференцированное маркирование объекта» будет применяться аббревиатура ДМО.

© М. Е. Алексеева, 2010

одушевленность, тяжесть ИГ, линейная позиция прямого дополнения в высказывании, некоторые аспекты, связанные с соответствующим глаголом (например, значение паритивности).

Во многих языках мира исследователям не удается выделить строгой закономерности в оформлении дополнения, например в отсутствии или наличии маркера аккузатива. Так, в марийском языке равноприемлемыми вариантами являются как маркирование винительного падежа в конструкции прямого дополнения, так и отсутствие всякого маркирования [8, с. 106]. Однако достаточно часто объяснение различным вариантам объектного маркирования удается найти, обратившись к одному из вышеперечисленных параметров. В том же марийском языке некоторые случаи маркирования аккузатива, которые невозможно объяснить с позиции синтаксиса, легко объяснимы с учетом фактора коммуникативной структуры высказывания [8, с. 106].

Наиболее распространенными в лингвистической литературе факторами ДМО являются референциальность и одушевленность. Известный американский лингвист Дж. Эйссен, например, определяет основные формы ДМО через вышеназванные параметры [1]. Следуя логике исследования Эйссен, тремя основными формами расщепленного кодирования являются следующие:

- 1) маркирование падежа (аккузатива) необязательно, но маркироваться могут только одушевленные объекты (например, в сингальском языке);
- 2) обязательное маркирование одних объектов (в частности, одушевленных) соседствует с необязательным маркированием других и невозможностью маркирования третьих (например, в румынском языке);
- 3) маркирование прямого объекта обязательно только в случае, если объект выражен именем в определенном состоянии (например, в иврите³).

В различных западных исследованиях вслед за Дж. Эйссен вышеназванные параметры референциального статуса и одушевленности представляются в виде следующих иерархических ступеней с немногими вариациями [1, 9]:

(1) *Animacy scale*: Human > Animate > Inanimate.

Definiteness scale: Personal pronoun > Proper name > Definite NP > Indefinite. specific NP > Non-specific NP.

Минимальные преобразования англоязычной терминологии позволяют отразить данные иерархические построения в следующем виде:

(2) *Иерархия определенности*: Местоимение > Имя собственное > Определенное имя > Референтное неопределенное имя > Нереферентное имя.

Иерархия одушевленности: Личное имя > Неличное одушевленное > Неодушевленное.

При этом считается, что чем левее располагается то или иное имя в иерархии определенности или одушевленности, тем больше у него вероятность получить аккузативное маркирование. Рассматривая данный вопрос, упомянем также о различных семантических значениях, вкладываемых исследователями в понятие «определенный».

Несмотря на то что вопрос о категории «определенность/неопределенность» неизбежно поднимается в любом исследовании, посвященном ИГ и различным ее свойствам и составляющим, единого мнения о содержании понятия «определенный» на данный

---

³Такая трактовка маркирования объекта в иврите приводится Дж. Эйссен в соответствии с работой Т. Гивона 1978 г. и может рассматриваться как упрощенный взгляд на проблему, не принимающий во внимание некоторых менее частотных вариантов объектного маркирования [1].

момент в лингвистической литературе не выработано. Точнее, выработано несколько различных подходов к этой проблеме, действующих в рамках различных лингвистических теорий.

Во многих случаях, в частности даже в тех языках, где существуют определенные и неопределенные артикли, исследователи сталкиваются с необходимостью разграничить различные «степени и типы» определенности конкретного имени. Элемент, единственной или основной функцией которого является маркирование определенности/неопределенности данной ИГ, может быть лексической единицей, как определенный и неопределенный артикли в английском языке (*a, the*), или своего рода аффиксом, как префикс 'al- в арабском литературном языке, традиционно называемый определенным артиклем, и неопределенное окончание (суффикс) -n. Мнение многих традиционных грамматиков заключается в том, что определенный артикль английского языка указывает на то, что речь идет о конкретном предмете, а не просто о любом из множества. Однако, как мы видим из предложения 'I bought *a book* this morning', говорящий, несомненно, подразумевает конкретную машину, которая отнюдь не является любой из множества, и, тем не менее, здесь употреблен неопределенный артикль.

Когнитивно-семантическая лингвистика в данном случае отражает различие между двумя грамматически правильными предложениями английского языка:

(3) а. I bought *a book* this morning.

б. I bought *the book* this morning.

Разница между этими двумя высказываниями состоит в том, что в (3а) предмет («книга») знаком/*известен* только для говорящего, а для слушателя является новой информацией, а в (3б) слушатель также владеет этой информацией, т. е. знает, о какой книге идет речь. В некоторых случаях, однако, связь слова с референтом не столь очевидна, поэтому исследователи предпочитают рассматривать употребление определенного артикля как указание на наличие у слушателя принципиальной возможности определить референт. В примере (3б) реципиент может не видеть покупку, но имеет возможность понять, о какой именно книге говорит собеседник⁴.

В других случаях, определенное состояние отражает *уникальность* того предмета, о котором идет речь, т. е. в тех случаях, когда у денотата может быть только один референт. Например:

(4) I've just been to the wedding. *The bride* wore blue.

В этом примере *a priori* подразумевается, что в свадьбе, как правило, принимает участие лишь одна невеста. Таким образом, уникальность может не являться абсолютной, но является достаточной в каждом конкретном случае для однозначного отождествления соответствующего референта.

Неопределенный артикль, в свою очередь, по мнению британского лингвиста К. Лайонса, не обязательно выражает неопределенность, скорее он несет в себе некоторый оттенок «отсутствия уникальности» [11, p. 12].

При оформлении прямого дополнения исследователи чаще обращаются к пониманию объекта не в дихотомии «известный/неизвестный», а в дихотомии «специфичный/неспецифичный», что ярко иллюстрируется примерами, в частности, турецкого языка. Отсюда в иерархической шкале определенности (1) возникают термины *Indefinite specific NP* и *Non-specific NP*. Поэтому данный параметр уместно определить именно

⁴Подробнее об этой проблеме см., например: [10].

как референциальный статус, т. е. тип соотнесенности данного имени с действительностью.

Наблюдения, впрочем, требуют более глубокого анализа в каждом конкретном случае, т. к., например, для турецкого языка, так же как для иврита, релевантным параметром маркирования объекта является иерархия определенности. Однако в турецком языке, как уже было сказано выше, по-разному маркируются специфичные и неспецифичные объекты, а в иврите маркирование объекта дифференцируется более широко — определенные и неопределенные. В финно-угорских языках также обычно говорят об «определенности/неопределенности» ИГ [8, с. 118; 9].

При изучении языков, в которых особое внимание в исследовании ДМО уделяется параметру определенности, отдельной темой становится роль так называемых *детерминативов* [12] (по другой терминологии, детерминаторов), т. е. служебных слов, сопровождающих существительное и различными способами определяющих и уточняющих круг его референции, по указанной выше причине. Они способствуют более четкому пониманию типа соотнесенности имени и действительности.

Вслед за известнейшим западным исследователем С. Эбни, предложившим рассматривать такие служебные слова, выражающие функциональную категорию «детерминатив», в качестве вершины ИГ, многие другие лингвисты стали рассматривать ИГ в качестве группы детерминатива (DP — Determiner Phrase) [13]. Данная теория, известная в англоязычной литературе как «DP hypothesis», применялась к различным языкам и упоминается фактически во всех исследованиях, посвященных этой проблеме в иврите. В данный момент в литературе наблюдаются попытки противопоставить теории группы детерминатива другие методы и подходы изучения такого рода конструкций. На материале иврита этой проблемой занимается, в частности, израильская исследовательница Ш. Винтнер [14].

Имена в иврите имеют категории рода, числа и, в случае с местоимениями, лица. В сравнении с достаточно свободным порядком слов в иврите в целом структура элементов ИГ определена достаточно строго. В частности, квантификаторы, детерминативы, количественные числительные и определенный артикль занимают позицию впереди вершины, а все остальные адьюнкты и комплименты — позади [15, р. 112].

Самым тесным образом с вопросом определенности в иврите и особой роли детерминативов связан особый маркер прямого объекта, называемый традиционными грамматиками частицей винительного падежа (определенного аккузатива), *'et* [16, с. 232].

Особенно интересна эта частица тем, что является фактически единственным систематически употребляющимся элементом маркирования объекта в современном иврите. Морфологического выражения падежей, которое сохранилось в арабском и в некоторых других семитских языках, в современном иврите не существует. Не существовало его, впрочем, даже на этапе библейского иврита [16, с. 55; 17]. Типологические исследования семитских языков и данные сравнительного языкознания дают основания полагать, что в протосемитском языке, или, как это явление называют Б. Уалтке и М. О'Коннер, в классической системе семитских языков [17], существовала трехпадежная система склонения. В библейском языке, так же как и в современном иврите, встречаются лишь некоторые рудиментарные элементы, указывающие на существовавшую некогда систему склонения: падежные окончания составных имен собственных или слов в торжественных речах и поэтических отрывках библейских текстов; окончание *-ā*, присоединяющееся к именной основе в единичных случаях и означающее направ-

ление движения, действие, место, где действие происходит; прибавление слога при присоединении местоименных суффиксов к таким именам, как «отец», «брат». Отметим также, что если в библейском языке существовал еще предлог *le-*, который также мог выступать в качестве показателя аккумулятива, то в современном иврите сохранились лишь единичные случаи употребления этого предлога в таком значении.

Современная лингвистика чаще всего рассматривает *'et* именно как маркер объекта, причем объекта, выраженного определенным именем, что вполне совпадает с материалом более традиционных грамматик. Упомянутый выше турецкий язык, а также персидский имеют похожие элементы, в терминологии некоторых исследователей, показатели аккумулятива, или маркеры объекта, *-i* и *-rā* соответственно. Как и в иврите, в турецком и персидском эти объектные маркеры получают только определенные объекты (в случае с турецким, как уже было замечено, играет роль фактор специфичности) [11, p. 202–205; 9].

Израильский лингвист Г. Данон выдвигает идею о «синтаксической определенности», которая объясняет появление вышеупомянутого элемента [18], избегая связывать традиционно семантическую категорию определенности с синтаксическим понятием маркера падежа. Такая корреляция между семантической определенностью и маркированием падежа встречается не только в иврите, но и в таких языках, как финский, турецкий, хинди, западно-гренландский, шотландско-гаэльский и русский. Однако, за исключением шотландско-гаэльского, только в иврите существует определенный артикль, служащий формальным выражением семантики определенности.

С точки зрения хронологии, одним из первых исследований, включавших формальное описание ИГ в современном языке иврит, была работа израильского лингвиста У. Орнана [19], изданная в 1965 г. Эта работа была первой попыткой применения принципов трансформационной грамматики на материале иврита. В ней определенный артикль воспринимается как единица, соединяющаяся с именами существительными в результате различных синтаксических процессов. У. Орнан не высказывает прямо какого-либо мнения о лингвистической природе артикля, но, вполне очевидно, что он рассматривается автором как независимый синтаксический элемент [19].

В 1984 г. в работе Х. Борер, посвященной детальному описанию именных групп, впервые к ивриту применяются принципы расширенной стандартной теории Н. Хомского. В данном исследовании статус определенного артикля (который именуется у Х. Борер «детерминативом») также не оговаривается непосредственно, но при этом артикль рассматривается автором как независимая единица в составе синтаксических структур, один из членов класса детерминативов [14].

В 1987 г. была опубликована работа С. Эбни о доминирующей роли детерминативов в составе именных групп, о которой говорилось выше и которая ложится в основу так называемой гипотезы группы детерминатива. Через год Э. Риттер применила ее положения к языку иврит. В рамках этой теории определенный артикль воспринимается как клитика, которая находится в постпозиции к имени в генетивных конструкциях (например, в сопряженном состоянии) и предшествует имени во всех остальных [11, p. 227].

Отдельно отметим, что в вопросе об употреблении *'et* перед определенным объектом выделяются два различных аспекта, по-разному воспринимаемых носителями иврита. Первый — это невозможность употребления частицы перед неопределенными объектами, а второй — обязательность ее употребления перед определенными. Проиллюстрируем это следующими примерами:

(5) а)	*Dan	qaṛ'a	'et	seper.
	Дан	прочитал	ACC	книга.
б)	*Dan	qaṛ'a	ha-seper.	
	Дан	прочитал	ART.DEF	книга.

Оба этих примера оцениваются носителями языка как «плохие для разговорного языка», однако (5а) в большинстве случаев считается «гораздо хуже», чем (5б); в письменном языке 'et достаточно часто опускается, несмотря на предписания грамматики [18, p. 74]. На этом основании Г. Данон делает вывод о возможном существовании двух различных аспектов неграммотичности, т. е. двух ограничений на дистрибуцию 'et [18, p. 74].

Теория Г. Данона о том, что 'et необходим только для присвоения абстрактного падежа определенным объектам, напоминает по своим основным теоретическим положениям исследование А. Беллетти с идеей о том, что глагол присваивает факультативный морфологический падеж, партитив. В теориях, тем не менее, есть существенные отличия. Они также опираются на различный материал: А. Беллетти для разграничения двух падежей (морфологического партитива и структурного аккузатива) апеллирует к семантическим различиям, Г. Данон основывается исключительно на синтаксическом материале [18, p. 74].

Также отметим, что 'et является единственным элементом иврита, который «чувствителен» к определенности/неопределенности ИГ. Например, существующая в современном иврите частица šel, употребляющаяся в генетивных конструкциях и обычно рассматриваемая как маркер генетива, может стоять в препозиции по отношению как к определенным, так и к неопределенным ИГ.

В другом семитском языке, арабском, схожем с ивритом, в частности, в согласовании имен существительных и прилагательных по категории определенности/неопределенности, не наблюдается элемента, выполняющего функции 'et.

Таким образом, при описании проблемы дифференцированного маркирования объекта в современном языке иврит и анализе соотношения данной проблемы с параметром определенности, широко воспринимаемым в научной литературе как основной при оформлении прямого дополнения в иврите, в статье были рассмотрены несколько вопросов. Во-первых, определение самого понятия ДМО и основных параметров, влияющих на его реализацию в языках мира. Во-вторых, особое внимание было уделено параметру референциального статуса ИГ, поскольку именно он признан большинством исследователей решающим в вопросе оформления прямого дополнения в иврите. В-третьих, приведен краткий обзор когнитивно-семантического подхода к понятию «определенность», и на примере турецкого языка отмечена важность разграничения понятий «определенность» и «специфичность». В-четвертых, примеры дистрибуции объектного маркера 'et в современном иврите, а также обзор употребления рудиментарных следов падежных окончаний в библейском иврите дают основания говорить о вероятном влиянии на ДМО в современном иврите некоторых других параметров помимо определенности. В том числе выдвигается предположение о достаточно большой вариативности дифференциального маркирования в тех случаях, когда регулярно нарушаются также другие языковые нормы, в частности в области разговорного языка и других нелитературных формах современного иврита.

Корреляция ДМО в иврите и таких параметров, как темарематический статус ИГ, одушевленность, тяжесть ИГ, линейная позиция прямого дополнения в высказывании, глагольные аспекты (в частности, по-видимому, релевантное для иврита значение партитивности), которые не были предметом внимания автора данной статьи, безусловно, заслуживают дальнейшего анализа.

Литература

1. *Aissen J.* Differential object marking: Iconicity vs. economy // *Natural Language & Linguistic Theory*, 21(3), 2003. URL: <http://www.springerlink.com/content/w0r652v11716g700/> (дата обращения: 05.10.2009).
2. *Comrie B.* Subjects and Direct Objects in Uralic Languages: a Functional Explanation of Case-Marking Systems // *Etudes finno-ougariennes*. Т. XII. 1975. P. 1–17.
3. *Haspelmath M.* Explaining Syntactic Universals // *Universals of Differential Case Marking*, LSA Institute, 2005. URL: <http://email.eva.mpg.de/~haspelmt/2.DiffCaseMarking.pdf> (дата обращения: 05.10.2009).
4. *Hopper P. J., Thompson S. A.* Transitivity in Grammar and Discourse // *Language*. N 56. 1980. P. 251–299.
5. *Moravcsik E.* On the Case Marking of Objects // *Universals of Human Language*. Vol. 4. Syntax. Stanford (California): Stanford UP, 1978. P. 249–290.
6. *Bosson G.* Differential object marking in Romance and beyond // *New analyses in Romance linguistics: Selected papers from the XVIII Linguistic Symposium on Romance Languages, Urbana-Champaign, April 7–9. Amsterdam*, 1988. P. 143–170.
7. *Коношенко М. Б.* Дифференцированное маркирование объекта в калмыцком языке // *АСТА LINGUISTICA PETROPOLITANA / Труды Института лингвистических исследований РАН*. СПб., 2009. С. 53–71.
8. *Толдова С. Ю., Сердобольская Н. В.* Некоторые особенности оформления прямого дополнения в марийском языке // *Лингвистический беспредел: Сб. статей к 70-летию А. И. Кузнецовой*. М., 2002. С. 106–124.
9. *Heusinger K., Kornfilt J.* The case of the direct object in Turkish: Semantics, syntax and morphology // *Turkic Languages*. N 9. 2005. P. 3–44. URL: http://www.ilg.uni-stuttgart.de/vonHeusinger/publikationen/pub05-06/SemSynMor/Turk_Lang.pdf (дата обращения: 20.02.2010).
10. *Hawkins J. A.* *Definiteness and Indefiniteness: a Study in Reference and Grammatical Prediction*. London, 1978.
11. *Lyons C.* *Definiteness*. Cambridge University Press. 1999.
12. *Harder P.* Determiners and Definiteness: Functional semantics and structural differentiation // *Essays in nominal determination: from morphology to discourse management / Ed. by H.H. Müller, A. Klinge*. Amsterdam, 2008. P. 1–27.
13. *Abney S.* *The Noun Phrase in Its Sentential Aspect*. MIT PhD dissertation. Cambridge, 1987. URL: <https://eprints.kfupm.edu.sa/69794/1/69794.pdf> (дата обращения: 05.10.2009).
14. *Wintner S.* Definiteness in the Hebrew Noun Phrase // *Journal of Linguistics*. N 36. 2000. P. 319–363. URL: <http://cs.haifa.ac.il/~shuly/publications/jl.pdf> (дата обращения: 05.10.2009).
15. *Allegrezza V.* *The Signs of Determination. Constraint-Based Modelling Across Languages*. Frankfurt am Main, 2007.
16. *Демидова Г. М.* *Грамматика библейско-еврейского языка*. СПб., 1999.
17. *Waltke B. K., O'Connor M.* *An Introduction to Biblical Hebrew Syntax*. Eisenbrauns: Winona Lake, Indiana, 1990. P. 65–70.
18. *Danon G.* *Case and Formal Definiteness: the Licensing of Definite and Indefinite Noun Phrases in Hebrew*. PhD thesis, Tel-Aviv University. 2002. P. 33–230. URL: <http://faculty.biu.ac.il/~danong1/papers/Danon2002-dissertation.pdf> (дата обращения: 10.02.2010).
19. *Ornan U.* *The Nominal Phrase in Modern Hebrew. Part 1. Introduction and article*. Jerusalem, 1965. URL: http://www.eric.ed.gov/ERICDocs/data/ericdocs2sql/content_storage_01/0000019b/80/33/c8/50.pdf (дата обращения: 05.10.2009).